
КАМИЛА ЛЕВИТАН ✦ АННА ШИЛД
РАЗВОД
С ПРЕДАТЕЛЕМ
Ты выбросил мои чемоданы
на помойку, но я забрала
твою империю!

Анна Шилд

Развод с предателем. Ты выбросил мои чемоданы на помойку, но я забрала твою империю!

«Автор»
2026

Шилд А.

Развод с предателем. Ты выбросил мои чемоданы на помойку, но я забрала твою империю! / А. Шилд — «Автор», 2026

Муж вышвырнул мои чемоданы в мусорный контейнер, а нашу квартиру отдал любовнице. Заодно уволил меня и объявил психически нестабильной.Но Игорь не знал, что перед изгнанием я обнаружила в корпоративных файлах тайные переводы на счета его бывшей секретарши Лизы. Через порт исчезали миллионы, а на документах стояла моя цифровая подпись.Теперь я ночую в машине, пока он наслаждается чужими деньгами и моей квартирой.Неожиданно помощь предлагает Артур — опасный человек, которого боится даже мой муж. Только за защиту он потребует собственную цену.Я верну себе дом, карьеру и свободу. А предатель узнает, почему нельзя недооценивать женщину, умеющую читать любые цифры.

© Шилд А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 8
Глава 3 11
Глава 4 14
Глава 5 18
Глава 6 22
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Камила Левитан, Анна Шилд
Развод с предателем. Ты выбросил мои чемоданы на помойку, но я забрала твою империю!

Глава 1

Дождь хлестал по окнам бизнес-центра, размывая город в серую кашу. В серверной от холода сводило пальцы; я прятала их под мышки, пока на экране крутился индикатор загрузки. Система висла. Скрипты, которые я писала месяцами, превратились в мертвый код. Игорь проходил мимо, нервно щелкнув мышкой по чужому ноутбуку администратора.

— Опять эти твои глючные скрипты, Вера? — его голос был сухим, как наждачка. — Я же просил не трогать ядро. Доступ заблокирован на два часа. Иди домой.

Он знал, что админы обедали. Знал и делал это назло. Я набирала номер поддержки, но слышала только короткие гудки. Внутри зашевелилась злость, но я задавила её: у него сложный квартал, он нервничает. За пять лет я научилась ждать, пока он успокоится. Иногда хватало часа, иногда — целого вечера. Потом можно было подойти с отчетом и услышать, что без меня он бы не справился. Ради этих слов я снова набирала поддержку.

Дома пахло перегретым жиром. Мне опять не оставили ужина. На столе стояла одна тарелка с недожеванным стейком. Игорь уже поел. Его телефон лежал экраном вниз, вибрируя каждые три минуты.

— Кто звонит? — спросила я, пытаясь поймать его взгляд.

Он резко перевернул аппарат, пряча его под журнал.

— Клиент. Не трогай мои вещи, Вера. Ты знаешь правила конфиденциальности. Или ты хочешь потерять работу из-за любопытства?

Его глаза бегали, избегая моих. Я молча убрала крошку хлеба со стола. Руки дрожали, но я держала спину ровно. «Работа давит сильнее», — шептала себе я, идя в душ. Горячая вода смывала запах его дорогого парфюма, который вдруг стал тошнотворным.

Ночью кондиционер гудел, как раненый зверь. Я вышла на кухню за водой. Дверь в спальню была приоткрыта. Из темноты доносился тихий смех — женский, из динамика его телефона. Сердце пропустило удар, потом заколотилось о ребра так, что стало больно дышать. Я сделала шаг назад, боясь быть услышанной, и вернулась на диван, натянув одеяло до подбородка. Утром всё объяснится. Он просто стрессует. Я лежала с открытыми глазами и прислушивалась. Очень хотелось дожить до утра, когда он скажет, что я всё не так поняла.

Утро встретило меня холодом офиса. Я пришла раньше всех. Чтобы восстановить доступ к архиву вручную, мне нужен был двухфакторный код. Телефон Игоря остался на зарядке в моём кабинете. Игорь запретил трогать его телефон. Но без кода мне снова сидеть перед закрытым архивом. Я взяла трубку. Экран светился уведомлениями, которые я старательно игнорировала. Код пришел. Палец дрогнул, но клавиши приняли цифры. Доступ открыт.

Я вошла в систему. Папки с названиями клиентов были переименованы в безликие коды. Файл «Списание_Терминал_Б.xlsx» выдавал ошибку: «Файл поврежден или защищен паролем». Техническая ошибка? Нет. Это была маскировка. Моя работа заключалась в поиске расхождений, и сейчас интуиция финансового аналитика кричала об опасности. Я использовала свой личный ключ дешифровки, сохраненный для экстренных случаев.

Экран мигнул, и передо мной открылась таблица. Активы исчезали, перетекая на офшорные счета. Сохранила рабочую выгрузку на свой носитель. Имя получателя резало глаза: Лиза Морозова. Бывшая секретарша. Та самая, с которой у Игоря был «деловой обед» полгода назад.

Дверь кабинета распахнулась с грохотом. Игорь ворвался внутрь, увидев открытый файл. Лицо исказилось не от стыда, а от ярости хищника, загнанного в угол. Он захлопнул крышку ноутбука. Экран погас. Я ещё смотрела на крышку: последнюю строку не успела прочесть, а поднимать её при нём не решалась.

— Что ты делаешь?! — заорал он, нависая надо мной. Запах его лосьона теперь душил. — Это корпоративная тайна! Ты нарушаешь NDA!

Я отшатнулась, прижимаясь спиной к стене. Хотела сказать, что заметила несоответствия в отчетности, но он перебил:

— Уходи. Сегодня. Иначе я уволю тебя по статье за шпионаж. Тебя посадят, Вера. Ты сама виновата.

Мои руки тряслись, когда я складывала кружку и блокнот в коробку. Он стоял спиной ко мне, печатая что-то на своем компьютере. Внезапно он обернулся. Голос стал мягким, почти ласковым, от чего кровь застыла в жилах.

— Вера, ты всегда была слишком дотошной. Иногда лучше не видеть того, что есть. Ради твоего же спокойствия.

На мониторе за его плечом мелькнуло уведомление мессенджера от контакта «Liza*эмодзи сердце*»: «Он купился? Квартира моя?»

Я прочитала сообщение ещё раз. «Квартира моя?» — не вопрос о переводе. Лиза ждала ключей от моего дома. От той кухни, где я оставляла Игорю ужин, даже если сама возвращалась после полуночи. В коробке уже лежали кружка и блокнот; теперь он собирался так же вынести из квартиры меня. Хотелось бросить ему экран в лицо. Вместо этого я крепче взялась за коробку: выгрузка была со мной, и об этом он не спросил.

Я вышла из здания в проливной дождь. Холодные капли стекали по лицу, смешиваясь со слезами, которых я не позволила себе проронить при нем. Телефон в кармане завибрировал. SMS от неизвестного номера:

«Не садись в такси. Они ждут тебя там. Сядь в черный внедорожник с номером 777. Если хочешь жить».

Я прошла мимо, не ускоряя шага, как будто чёрный внедорожник с номером 777 не имел ко мне никакого отношения. Документы. Сначала документы: без них я не была ничьей, а значит — ничья. Остаток пути я проделала пешком, прижимая коробку к груди и оглядываясь каждые полквартала.

К незнакомому внедорожнику я не подошла: сначала нужно забрать документы. Ключ в замке поворачивался с тем самым сухим щелчком, который за пять лет совместной жизни стал для меня колыбельной. Но сегодня этот звук звучал как выстрел в упор. Я стояла на пороге своей собственной квартиры, сжимая ремень сумки-планшета так, что пальцы побелели, и чувствовала, как внутри всё дрожит от холода. Я привыкла за этим порогом снимать мокрые туфли. Теперь даже поставить сумку было некуда: Игорь занимал весь проход.

Дверь распахнулась прежде, чем я успела толкнуть её ладонью. Игорь возник передо мной стеной. Его лицо было гладко выбритым, костюм — идеально отглаженным. Он смотрел на меня, как на курьера, ошибшегося этажом. Он не пускал меня внутрь. Просто стоял, блокируя проход своим телом, и его плечи казались мне скалами, которые невозможно сдвинуть.

— Твой срок истёк вместе с браком, Вера, — произнес он тихо, но каждое слово падало в тишину коридора как камень в колодец. — Ты больше не имеешь права переступать порог.

Я попыталась протиснуться мимо него. Это был инстинкт загнанного зверя: если не можешь обойти препятствие, протарани его. Я сделала резкий шаг вперед, плечом к его груди, надеясь, что физическое вторжение собьет его с толку. Но он не отшатнулся. Наоборот, он

чуть сместился, сохраняя дверь открытой ровно на ширину своего тела, создавая ловушку. Он ждал этого момента. Ждал, чтобы я выглядела агрессивной истеричкой, пытающейся силой проникнуть в чужое жилье. Я поняла это слишком поздно, когда его рука легла на дверную раму, запирая меня снаружи.

Глава 2

Из-за его спины, словно тень, выскользнула Лиза. Она держала бокал с шампанским, пузыри которого лениво поднимались вверх. Её взгляд скользнул по моей мокрой куртке, по потекшей туши, по трясущимся рукам.

— Боже, Верочка, — протянула она сладко, делая глоток. — Ты пахнешь страхом и дешевым кофе из автомата. Это очень... неприлично для женщины твоего возраста.

Меня замутило. Не от запаха духов, которые она использовала щедро, а от этой циничной уверенности в своей безнаказанности. Я проигнорировала её слова, сосредоточившись только на цели: пройти в коридор. Там лежали мои документы, мой ноутбук, вся моя жизнь.

Но Лиза не просто наблюдала. Когда я снова попробовала проскользнуть мимо Игоря, она шагнула навстречу, «случайно» задев меня плечом. Удар был коротким и точным, направленным в центр тяжести. Я отлетела назад, споткнувшись о порог и едва не упав в лестничную клетку. Я ещё ловила равновесие, а Лиза уже вернулась за его плечо. Ни один не спросил, ушиблась ли я. Игорь даже не посмотрел на неё, лишь удовлетворенно хмыкнул.

Тогда он повернулся и направился к кладовке. Минуту спустя он вынес оттуда два моих дорожных чемодана. Без предупреждения, без объяснений. Просто взял их за ручки и бросил прямо в мусорный контейнер у лифта. Звук удара пластика о пластик был оглушительным. Следующий предмет — моя коробка с документами — полетел туда же. Белье, книги, рабочие блокноты. Всё смешалось в грязном баке.

— Мелочь типа нижнего белья тебе уже не нужна, — бросил он через плечо, не оборачиваясь. — А документы мы разберем в суде. Если доживешь.

Я остановилась. Смотрела на то, как мои вещи тонут в чужих объедках. И вдруг поняла, что слез нет. Внутри образовалась пустота, холодная и звенящая, как струна, натянутая до предела. Вместо крика, вместо просьбы вернуть хоть одну вещь, я молча достала телефон. Экран замерцал красным индикатором заряда, но я включила камеру. Я начала снимать. Ровно, спокойно, фиксируя каждый жест, каждое слово, каждую брошенную вещь. Главное — не отвести камеру, когда он снова повернётся ко мне. В кадр должны попасть и чемоданы, и дверной номер, и его лицо. Потом он скажет, что я сама всё выбросила. Я знала, как убедительно он умеет говорить, если никто не может проверить исходные данные.

Игорь заметил вспышку экрана. Его лицо исказилось от ярости.

— Выключи это немедленно! — рявкнул он, делая шаг ко мне. — Или я вызову охрану ЖК. Незаконная съемка. Вторжение. Тебе мало проблем?

Я сделала шаг назад, поднимая свободную ладонь; телефон продолжал снимать. Мой голос звучал спокойно, почти равнодушно:

— Я просто хочу забрать свои вещи.

Он потерял контроль. Именно это ему нужно было избежать. Пока я молчала, в записи оставался только его голос. Он посмотрел на телефон, и мне стало ясно: сейчас попробует забрать. Он понял, что видео есть, и оно уже где-то сохранилось. Чтобы перехватить меня, чтобы проверить телефон, ему пришлось выйти из «безопасной зоны» квартиры, в темный угол подъезда, где свет лампочек мерцал и не давал четкой картинки.

В тот момент, когда он схватил меня за запястье, пытаясь вырвать телефон, я почувствовала, как его пальцы впиваются в кожу. Боль была острой, но я знала эту точку давления. Курс самообороны в университете казался тогда бессмысленной тратой времени, но сейчас эти знания всплыли в памяти мгновенно. Резко развернула захваченную кисть к его большому пальцу, а свободной ладонью ударила в нос. Следом — коленом в живот. Игорь согнулся, выпустив мою руку, и отлетел назад, ударившись спиной о стену.

Я вырвалась. Свобода была горькой на вкус. Кровь текла из губы, которую я прикусила от шока, а на предплечье уже проступал синяк. Теперь между нами не было развода. Был уголовный кодекс. Статья о нанесении телесных повреждений.

На шум вышла соседка сверху, женщина лет пятидесяти в домашнем халате. Она посмотрела на нас: на спокойного, хотя и слегка подавленного директора компании, и на меня — растрепанную, с кровью на губе, с телефоном в руке.

— Что тут происходит? — спросила она, наморщив лоб.

Игорь мгновенно сменил маску. Он выпрямился, поправил воротник рубашки и вздохнул с такой жалостью, что хотелось плюнуть ему в лицо.

— Извините, Галина Петровна, — сказал он мягко. — Жена в истерике. Пытается ворваться домой, ломится на меня. Нервный срыв, понимаете...

— Он меня бьет! — крикнула я, указывая на свой синяк. — Он выбрасывает мои вещи в мусор! Посмотрите!

Соседка перевела взгляд на открытый мусорный бак, потом на меня, потом на Игоря. Галина Петровна смотрела на кровь у моего рта, но вопрос задала Игорю. Я ждала, что она хотя бы подойдёт к баку — узнает мои чемоданы, которые сама помогала поднимать после отпуска. Она осталась у своей двери. Игорь уже говорил с ней тем голосом, которым поздравлял соседей с праздниками.

— Разберитесь дома, — буркнула она и закрыла дверь. Щелчок замка прозвучал как приговор.

За дверью Галины Петровны заиграл телевизор. Она вернулась к своему вечеру; я всё ещё стояла возле бака. Я осталась одна в темном подъезде. Голова кружилась, желудок сводило судорогой от стресса и голода. Телефон показал три процента заряда. Я выключила экран, сохраняя остаток батареи. Темнота навалилась на меня физически. Я села на холодный кафель, обхватив колени руками, пытаясь дышать ровно. Мне нужно было уйти, но ноги не слушались. Где я буду спать? В машине? Завтра утром они придут за остатками моего имущества, и я буду выглядеть как бомжиха на парковке торгового центра.

Внезапно скрипнули двери служебного лифта. Я подняла голову, ожидая увидеть консьержа или кого-то из охраны. Но там никого не было. Только пустая кабина. И тут из тени рядом с лестницей вышел мужчина. Консьерж, которого я видела сотни раз, но никогда не замечала. Он был невыразительно обычным, серым, незаметным.

Он молча подошел ко мне и протянул влажную салфетку.

— Протрите лицо, — сказал он тихо.

Я взяла салфетку, чувствуя, как холодная ткань касается горячей кожи.

— Машина Артура Валентиновича стоит у заднего входа, — продолжил он, глядя куда-то поверх моей головы. — Он сказал, что если вы решите не ночевать в машине, там есть место. И чай горячий.

Я замерла. Артур? Голос из SMS? Он не просто наблюдал. Он знал характер Игоря. Он знал, что этот человек способен на такие шаги. Этот мужчина подготовил выход еще до того, как я оказалась в ловушке. Я слышала имя Артура и ловила себя на желании немедленно поверить. Горячий чай. Сухое сиденье. Кто-то велел оставить для меня место. Но кто этот человек и чего потребует утром? Игорь тоже когда-то говорил: «Я всё решу». Мне нужно было встать с пола раньше, чем обещание тепла решит за меня.

Я встала. Ноги все еще дрожали, но теперь я контролировала их. Я последовала за консьержем, который повел меня не к главному выходу, а через черную лестницу во двор. Мы прошли мимо мусорных баков, где в грязи лежала моя жизнь, и не оглянулись.

Когда мы вышли на улицу, дождь только начинался. Капли падали на лицо, смывая кровь и пот. Во дворе стояла черная тонированная машина. Двигатель работал тихо, создавая низкую

вибрацию, которая ощущалась сквозь подошвы обуви. Дверь открылась сама. Внутри было тепло, пахло кожей и дорогим табаком.

Я уже взялась за ручку, но остановилась.

— Нет. Сначала мои вещи. Я останусь в своей машине.

Я отступила от открытой двери. Из салона тянуло теплом. Мне хотелось забраться внутрь и перестать думать. Вместо этого я вернулась за чемоданами и коробкой: пусть Игорь видит, что я забираю своё.

Черная тонированная машина тронулась с места, плавно скользя по мокрому асфальту. За моей спиной оставались светящиеся окна квартиры, где Игорь, вероятно, уже праздновал победу, наливая себе второй бокал шампанского и смеясь над своей ловкостью. Пусть смеётся. Видео осталось у меня. Я проверила, сохранилось ли оно, и только потом убрала телефон: на этой записи он ещё не успел сделать меня виноватой.

Глава 3

От холода ломило спину и плечи. После ночи в машине я всё ещё не могла разогнуть пальцы; страшно было подумать, что сегодня снова придётся спать там. Утром я вернулась за остатками вещей и вызвала участкового. У мусорных баков ещё лежали зимнее пальто с расстегнутой молнией, сумка, из которой вывалились чеки за продукты, и ноутбук в чехле, который Игорь швырнул так небрежно, будто это был хлам, а не моя жизнь.

Я стояла посреди двора, прижимая к груди телефон с почти разряженной батареей. Сирена не ревела, но я слышала её гул в висках. Ожидание полиции было пыткой. Каждый скрип тормозов во дворе заставлял меня вздрагивать, надеясь увидеть спасение. Но вместо этого подъехал обычный «УАЗ» участкового, и вышел он сам — дядя Витя, грузный мужчина с красным носом и вечной сигаретой за ухом. Он смотрел на меня поверх очков с таким выражением, будто видел муравья на своей кухне.

— Что случилось, Верочка? — спросил он лениво, даже не подходя ближе. Его руки были засунуты в карманы куртки.

— Меня выселили, — мой голос дрогнул, но я заставила себя говорить ровно. — Это незаконно. Там мои документы, деньги... Я хочу заявление написать. Кража имущества, превышение полномочий...

Дядя Витя фыркнул, выпуская облако сизого дыма.

— Семейные разборки, деточка. Не наша компетенция. Если муж выбросил твои шмотки — это бытовой конфликт. Разбирайтесь сами или в суде. А здесь не мешай работать. У нас порядок должен быть.

— Порядок? — я ткнула пальцем в кучу своих вещей. — Вы видите этот порядок? У меня нет ни дома, ни работы. Я ночевала в машине.

— Значит, живите в машине, — отрезал он, развернувшись спиной. — Закон не запрещает спать на парковке ТЦ. Или у подъезда. Но не устраивайте цирк. Иди домой, если есть куда.

«Домой». Слово резануло по ушам острее стекла. Дома больше не было. Был только бетонный пол и холодное стекло багажника.

В этот момент дверь подъезда распахнулась. Игорь вышел неспешно, натягивая дорогое кашемировое пальто. Оно сидело на нём идеально, подчеркивая плечи и властность. Он увидел полицейского, улыбнулся широкой, обезоруживающей улыбкой и подошел к нам. От него пахло дорогим одеколоном и спокойствием человека, который всё контролирует.

— Дядя Витя! — воскликнул он, хлопнув участкового по плечу. — Опять эти ваши бестолковые вызовы? Простите, что беспокою вас в такое время. Моя жена... ну, бывшая уже почти, понимаете ли, немного нестабильна психически.

Игорь достал телефон и повернул экран к участковому. На нем была переписка. Я узнала свои сообщения, но они были вырваны из контекста. Там, где я писала «Ты гад, я тебя ненавижу», Игорь добавил сверху строчку от себя: «Она угрожает мне ножом, помогите!».

— Смотрите, она опять истерит, — сказал Игорь сочувственно. — Боюсь, ей нужен врач, а не полиция. Она может навредить себе или соседям.

Дядя Витя посмотрел на экран, потом на меня. В его глазах мелькнуло сомнение. Для него это была привычная картина: склочная баба против успешного мужика.

— Ну ты давай, не нервничай, — буркнул он мне и повернулся к Игорю. — Мы тут ничего оформлять не будем. Разберётесь между собой. А пока проходите внутрь, сквозняк тянет.

Он полез обратно в машину и захлопнул дверцу. Я шагнула к окну с телефоном, но участковый уже смотрел на Игоря. Моё видео он так и не попросил показать.

— Ты всё равно ничего не докажешь, — тихо сказал Игорь, когда участковый закрыл окно. Он подошел ко мне вплотную. Я почувствовала запах его кожи, который когда-то казался

мне родным, а теперь тошнило от него. — Камера домофона пишет только вход, Вера. Она не видит, кто выносит вещи. А свидетелей нет. Кто тебе поверит? Пьяница? Или сумасшедшая?

— Там запись на облаке, — прошептала я, хотя знала, что пароль сменили три часа назад.

Игорь усмехнулся. Холодно, без тени веселья.

— Твой старый телефон остался в квартире. Новый у тебя украден. А облако синхронизируется только при подключении к сети Wi-Fi. У тебя нет доступа к роутеру. Хитро придумано, правда?

Он использовал техническую деталь против меня. Он готовился к этому. Каждую секунду. Он продумал каждую лазейку, каждый шаг, чтобы я попалась в двойную ловушку — юридическую и техническую.

Соседи начали выходить из квартир. Сначала Галина Петровна, бабушка, которая всегда угощала меня печеньем и говорила, что я слишком худая. Теперь она стояла в пижаме, обхватив себя руками, и шепталась с соседкой этажом ниже. Их взгляды скользили по мне, как по чему-то грязному.

— Бедный мальчик, — послышался голос Галины. — Такой хороший, обеспеченный. А эта... психует. Пытается квартиру продать за спиной, я слышала.

— Ишь ты, какая умная стала, — подхватила другая женщина. — Ножом махать начала?

Соседка этажом ниже даже не накинула пальто — вышла послушать в тапочках. За ней остановился мужчина с пакетом мусора. Я смотрела на этот пакет: ему разрешат выбросить его и спокойно вернуться домой. Мне бы хватило такой маленькой, никому не интересной возможности. Но Галина Петровна уже пересказывала историю про нож, и мужчина не спешил уходить. Я чувствовала физическую тошноту, подкатывающую к горлу. Хотелось кричать, что это ложь, что они просто злые и слепые. Но голос сорвался на хрип. Мужчина с мусором тоже смотрел на мои руки. Проверял, нет ли ножа? Я спрятала их в рукава — и тут же пожалела: словно мне было что скрывать.

Я сделала шаг к своему автомобилю, припаркованному у бордюра. Мне нужна была куртка из багажника и зарядка. Просто кусок ткани и пластик. Любая мелочь, которая напомнила бы мне, что я существую.

Игорь преградил путь. Он не ударил, он просто встал передо мной, широко расставив ноги. Его тело блокировало проход полностью. За его спиной мелькнул силуэт охранника, которого он нанял для «безопасности».

— Куда собралась? — спросил он мягко.

— Дай пройти, Игорь.

Он схватил меня за запястье. Его пальцы впивались в кожу, оставляя белые полосы. Он рванул меня назад, к бордюру, так резко, что я потеряла равновесие и едва не упала в лужу растаявшего снега.

— Послушай меня внимательно, — прошипел он мне на ухо, наклонившись так близко, что я видела поры на его лице. — Если ты подашь заявление о домашнем насилии, если хоть слово скажешь следователю... Я найду способ сделать так, что тебя признают недееспособной. Или депортируют, если вспомнят твоих дальних родственников из Средней Азии. У тебя нет ни работы, ни жилья, ни друзей. Кто тебе поверит? Никто. Ты никто.

Я попыталась разжать его пальцы, и он стиснул запястье ещё сильнее. Про родственников он вспомнил только теперь, когда нужно было напугать: раньше охотно ел мамины пирожки и называл её своей второй матерью. Я уставилась на его воротник, чтобы не смотреть в глаза. Хоть бы отпустил руку. Потом я возненавидела себя за это «хоть бы». Я замерла, чувствуя, как колотится сердце в грудной клетке. Он наблюдал за моей реакцией с любопытством энтомолога, изучающего жука.

Но я не заплакала. Я запомнила. Каждую морщинку у его глаз, каждое движение губ, блеск удовлетворения в радужке. Я запомнила его лицо, чтобы однажды увидеть его искаженным от боли.

За плечом Игоря скользнули фары. Я вытянула шею, пытаясь разглядеть номер: чёрный внедорожник въехал во двор и сбавил ход возле нас. Он остановился прямо напротив нас, перегородив обзор на улицу. Из машины вышел Артур.

Он не бежал, не спешил. Он шел медленно, размеренно, как человек, которому принадлежит весь мир вокруг. Его плащ был цвета мокрого асфальта, воротник поднят. Он подошел к участковому, который снова выглянул из окна машины.

Артур показал визитку. Всего на секунду. Потом коротко переговорил по телефону, сказав пару слов. Участковый побледнел. Он выпрыгнул из машины, козырнул и быстро уехал, даже не попрощавшись.

Игорь напрягся. Он узнал Артура. Или узнал марку машины, или репутацию владельца. Лицо мужа перекосило от скрытого страха. Он понял, что его влияние здесь ограничено чужим влиянием, более тяжелым и острым.

Артур остановился в двух шагах от меня. Его взгляд был тяжелым, оценивающим. Он смотрел не на Игоря, а на меня. На мои промокшие туфли, на дрожащие руки, на запястье, которое я прикрывала рукавом.

— Вы стоите посреди дороги, — констатировал Артур. Его голос был низким баритоном, вибрирующим в воздухе. — Это небезопасно.

Глава 4

Игорь попытался взять ситуацию под контроль. Он шагнул вперед, натягивая улыбку.

— Доброе утро. Я не знал, что у вас здесь интерес... Логистические вопросы? Может, обсудим за кофе? Я знаю многих людей в порту...

Артур перевел глаза на него. Взгляд был пустым, как у статуи.

— Мы не знакомы. И не будем. Уберите свои вещи с тротуара, пока я не вызвал эвакуатор для вашего автомобиля, если он мешает проезду.

Игорь не сразу понял, что разговора о порте не будет. Улыбка ещё держалась, а пальцы уже сминали край пальто. Обычно после его «обсудим за кофе» люди начинали искать свободное время. Артур даже не предложил времени на завтра. Я впервые увидела, как Игорь сглатывает готовую реплику. Его лицо дёрнулось. Он посмотрел на участкового, но «УАЗ» уже уехал. Позвать обратно человека, которого минуту назад хлопал по плечу, Игорь не решился.

Игорь бросил на меня последний взгляд. В нем не было злобы. Была голодная, звериная ненависть. Затем он развернулся и исчез в подъезде, хлопнув дверью так, что содрогнулось окно первого этажа.

Соседи тоже разошлись. Им стало неинтересно смотреть на проигравшего. Они боялись Артура. Боялись его силы, его тишины.

Артур открыл заднюю дверь своего внедорожника. Внутри пахло кожей, дорогим табаком и теплом. Это был аромат безопасности и опасности одновременно.

— Садитесь, — сказал он.

Я колебалась. Инстинкт самосохранения орал «беги». Этот мужчина был опаснее Игоря. Игорь был мелкой крысой, грызущей провода. Артур был хищником, который мог съесть целиком. Но реальность такова: у меня не было выбора. Мороз прокусывал пальцы, ноги превратились в ледышки.

— Что вам нужно от меня? — спросила я прямо, глядя ему в глаза. — Почему вы помогли?

Артур не отвел взгляд. Он смотрел на меня с холодным расчетом.

— Мне нужен аналитик, который умеет видеть дыры в системе. Вы только что показали, что видите их лучше всех. Даже когда они направлены на вас. Вы нашли ошибку в коде моего конкурента за пять минут. Садитесь. Или оставайтесь на морозе. Выбор за вами.

Аналитик. Значит, он пришёл за моей работой. Я могла спросить об оплате, доступе, сроках — и получить ответы, которые можно проверить. С Игорем любой вопрос давно кончался моими извинениями.

Я шагнула в салон, но остановилась.

— Мне нужно забрать машину. Я сама доеду.

Он помолчал, затем кивнул. Я отступила к своей «Рено». Внутри внедорожника кожаное сиденье казалось теплым даже с порога. Я почти согласилась остаться. Но дрожь осталась. Она шла изнутри, от страха перед неизвестностью.

Артур закрыл дверь. Щелчок замка заставил меня вздрогнуть.

Он запустил двигатель. Машина мягко тронулась с места.

Из своей машины я увидела окно квартиры на третьем этаже. Там стоял Игорь. Он прижался лбом к стеклу, наблюдая за тем, как чёрный внедорожник уезжает без меня. Его лицо было искажено не злостью. На нем читалось нечто похожее на голод. Голод человека, который потерял свою игрушку и теперь хочет вернуть её любой ценой.

Его машина свернула за угол. Я завела свою и выехала со двора. Смотрела на дорогу поверх обледеневшего руля. Артур хотел аналитика — пусть получит. Но сначала я спрошу, откуда у него мой номер и что будет с выгрузкой. Хотелось догнать его машину; я прибавила

газу, потом убрала ногу. Не надо снова приезжать к мужчине с единственным вопросом: что мне делать?

Вечерело быстро, будто кто-то выключал город по кварталам. Ночевать я решила на парковке торгового центра: там светло, есть камеры и люди — и никто не спросит, почему женщина сидит в машине до утра. Я заглушила мотор, чтобы беречь бензин, откинулась на сиденье и стала ждать. Ждать я умела лучше всего на свете.

Холод не приходит сразу. Он подкрадывается, как кошка, и сначала просто лишает чувствительности кончики пальцев.

Я сидела в своей «Рено», прижавшись лбом к холодному стеклу водительской двери. За окном ревел ветер, шурша гравием парковки торгового центра. Внутри пахло старым бензином, мокрой шерстью куртки и страхом. Сладковатым, липким страхом животного, загнанного в угол.

Аккумулятор сдох окончательно. Последняя попытка завести двигатель закончилась жалобным щелчком реле и тишиной. Печка выключилась час назад, оставив после себя лишь ледяное дыхание металла. Я обхватила колени руками, пытаясь удержать единственное тепло — свое собственное. Дыхание превращалось в белые клубы пара, оседающие на ресницах инеем.

«Не думай о том, что Игорь сейчас спит в нашей постели», — приказала я себе. «Он там, а ты здесь. Это факт».

В темноте гаражного проулка мне почудился смех. Тихий, сдавленный, узнаваемый до дрожи в костях. Смех Игоря. Потом шаги. Мягкие, крадущиеся, будто кто-то подходил к машине, чтобы заглянуть в окно. Я вздрогнула, так сильно, что зубы клацнули. Руки метнулись к дверным замкам, проверяя их еще раз. Закрыто? Заперто? Металлический скрежет показался оглушительным в этой гробовой тишине.

Никого нет. Только ветер. И эхо моих собственных воспоминаний.

Чтобы не сойти с ума от паники, я начала вслух перечислять цифры. Не даты рождения, не коды доступа к банкам. Цифры из той самой базы данных, которую мы с Лизой и Игорем делили последние три года.

— Сто двадцать четыре контейнера. Вес брутто восемь тонн двести килограммов. Ставка фрахта...

Голос звучал хрипло, чужеродно. Но ритм цифр успокаивал. На ставке фрахта я сбилась и начала сначала. До конца строки дыхание понемногу выровнялось. В этой таблице я ещё могла найти следующую цифру, проверить её и исправить ошибку.

Живот свело судорогой. Голод. Он был острым, физическим, перебивающим даже холод. В бардачке лежал недоеденный бургер из фастфуда, купленный три дня назад, когда я еще была женой директора логистической компании. Бумага слиплась от влаги, котлета высохла, превратившись в черствую подошву.

Я развернула пакет. Запах старого лука ударил в нос, вызывая тошноту. Но руки действовали автоматически. Я откусила кусок. Булка крошилась во рту, мясо было жестким и холодным. Я жевала, давясь слезами стыда. Слезы замерзали на щеках, оставляя болезненные полосы.

Я отломила засохший край булки и задержала его во рту: так было легче проглотить. Никогда ещё я не ела настолько медленно. Вчера можно было заказать что-нибудь горячее и пожаловаться на долгую доставку. Сейчас хотелось только не подавиться, не открыть дверь и не выпустить последнее тепло. Следующий кусок я всё-таки заставила себя съесть.

Фара ближнего света прорезала темноту снаружи. Кто-то подошел к машине. Свет скользнул по стеклу, ослепляя. Я замерла с недожеванным бургером в руке, чувствуя себя пойманной крысой.

Стекло застучало кулаком. Резко, требовательно.

— Вы! Документы!

Я открыла окно на пару сантиметров. Холодный воздух ворвался внутрь, заставляя захлебнуться кашлем. Перед машиной стоял охранник торгового центра. Молодой парень в дутой куртке, с красным носом и мутными глазами. Он смотрел на меня сверху вниз, оценивая растрёпанные волосы, бледную кожу, остатки еды в руках. Его взгляд скользнул по салону, зацепился за корпоративную карту бывшей компании, висевшую на зеркале заднего вида. Пластик тускло блестел в свете его фонаря.

— Что тут делаете? Ночью? — спросил он грубо. В голосе читалось презрение. Он видел во мне либо наркоманку, ищущую тихое место, либо проститутку, ожидающую клиента.

— Я жду друга, — солгала я. Голос сорвался.

— Друга? — Он хмыкнул, увидев мой вид. — А это что? Карта «ТрансЛогистик»? Бывшая жена директора, небось? Или любовница?

Имя всплыло из грязи. «Бывшая жена». Звучало как приговор. Он ещё раз посветил на корпоративную карту, но двери не тронул. Я потянулась снять её с зеркала и остановилась: пусть пока думает, что за меня есть кому спросить.

— Убирайтесь, пока полицию не вызвал, — сказал он, махнув рукой. — Парковка частная территория.

Он повернулся и ушел, хлопнув фонарем по капоту. Я закрыла окно. Раны от его слов кровоточили сильнее, чем голод.

Тишина вернулась, став еще тяжелее. Вдруг — стук. Не в стекло, а в металл кузова. Снаружи. Быстро, коротко. Кто-то дернул ручку двери.

Сердце пропустило удар. Люди Игоря? Нашли меня?

Я рванула замок, но пальцы одеревенели. Стук повторился. Затем раздался приглушенный голос, детский, визгливый:

— Пусти! Там холодно!

Дверь не открылась. Через мгновение послышалось шуршание, удаляющееся прочь. Бездомный подросток. Он искал тепла. Искал укрытия. А я даже не смогла ответить ему, застыв от страха.

Я вслушивалась в удалявшиеся шаги. Ручка двери была прямо у локтя; одного щелчка хватило бы, чтобы впустить его. А я даже «нет» сказать не смогла. За стеклом снова шуршал ветер, и я всё ждала, что ручку дёрнут ещё раз.

Телефон завибрировал. Экран засветился тусклым зеленым светом. 5% заряда. Последний вдох устройства.

Сообщение пришло от неизвестного номера. Одна строчка текста — и никаких объяснений, кто это.

«Не глупи. Иди к служебному входу терминала "Север". Там тепло. Артур».

Я уставилась на текст, пока буквы не поплыли перед глазами. Артур. Человек, которого до сегодняшнего дня я видела только мельком на вечеринке два года назад. Собственник ЧОПа, акционер портовых компаний. Тот самый хищник, о котором шептались в кабинетах.

Зачем ему знать, где я? Откуда он знает, что я здесь?

Если это ловушка, я умру в темноте. Если это шанс, я должна рискнуть.

Но оставаться в машине больше нельзя. Холод проникал в кости. Мысли становились вязкими. Инстинкт самосохранения бился в горле, требуя движения.

Я выбралась из машины. Ноги не слушались, они были деревянными. Я достала ключи из зажигания. Кольцо ключей едва не выскользнуло из пальцев. Я поймала его, зажала в кулаке. Если возвращаться, мне нужно будет открыть эту машину самой. От мысли, что можно просто не вернуться, стало страшнее, чем от ветра.

Ключи сжала в ладони. Машина осталась позади, маленькая и бесполезная коробка.

Ветер бил в лицо, словно плеть. Я шла к воротам порта, спотыкаясь о ледяные комья грязи. Терминал «Север» находился в двухстах метрах. Сначала асфальт, затем гравий, затем скользкая бетонная плитка.

Каждый шаг отдавался болью в коленях. Впереди виднелся тусклый желтый квадрат света над служебным входом.

Подойдя ближе, я услышала гул вентиляции. Теплый воздух выходил из-под двери, пахнущий дизелем и морем.

Дверь открылась прежде, чем я успела толкнуть её.

Глава 5

Внутри не было офиса. Не было ресепшена с цветочными композициями. Это был склад контейнеров. Высокие потолки терялись в темноте. Между штабелями железных коробок горела одна лампа дневного света, мерцающая и одинокая.

На деревянной палете, прямо посреди прохода, сидел мужчина.

Артур.

Он не встал. Не улыбнулся. Не предложил кофе или плед.

Его фигура была массивной, статичной, как скала. Темная водолазка облегала широкие плечи. Лицо было скрыто полутьмой, но глаза светились спокойным, расчетливым холодом.

В его протянутой руке лежал телефон. Экранный свет отражался в его зрачках.

— Подойди, — сказал он. Голос был низким, бархатным и абсолютно бесстрастным.

Я сделала шаг вперед, потом еще один. Сердце колотилось так громко, что я боялась, он его слышит.

Он молча передал мне телефон. На экране был открыт документ. PDF-файл.

Заголовок гласил: «Соглашение о конфиденциальности и защите свидетелей. Приложение №4 к договору найма консультанта».

Я искала в документе обещанное жильё. Оно было указано рядом с моими обязанностями: за тепло здесь придётся работать.

— Ты знал, что я буду здесь, — прошептала я. Это не было вопросом. Это было обвинением.

Артур поднял глаза. Взгляд был тяжелым, давящим.

— Я знал, что ты придешь. Холод — лучший мотиватор для тех, кто привык контролировать всё вокруг, Вера.

Его ответ ударил меня под дых сильнее ветра. Он не спасал меня из добрых побуждений. Он покупал меня. Мою жизнь, мои знания, мою преданность ценой моего комфорта. Он сидел в тепле и ждал, пока я перестану чувствовать пальцы. Даже если аккумулятор умер без его помощи, он сейчас пользовался этим слишком спокойно. Я стала читать медленнее. Нужно найти цену, пока от холода я готова согласиться на любую.

На экране мой труд назывался услугой консультанта. Артур смотрел на меня так, будто уже купил её. Я пролистнула назад: где право расторгнуть договор? От тепла внутри склада хотелось перестать искать. Тем важнее дочитать.

Руки дрожали. Не от холода. От ярости. От осознания того, насколько я была предсказуема.

Я посмотрела на контракт. Пункты были жесткими, но справедливыми. Оплата за работу. Защита от уголовного преследования по ложным обвинениям. Жилье. Еда.

Альтернатива была проста: вернуться в машину и умереть от гипотермии или попасться людям Игоря, которые уже искали меня.

Артур наблюдал за моими пальцами, скользящими по экрану телефона. Он ждал. Терпеливо, как паук, наблюдающий за мухой в паутине.

— Подпиши, — сказал он тихо. Почти ласково. — Или вернись в машину.

Он сделал паузу, позволяя этим словам осесть в пустоте склада.

— Я не буду повторять дважды.

Я вернула ему телефон.

— Сначала прочитаю всё. Не здесь.

Он не удерживал меня. Я вышла обратно на парковку, сжимая ключи: машина никуда не делась, а решение ещё принадлежало мне.

Холод ударил сразу, как только дверь склада захлопнулась за моей спиной. Я шла к своей «Рено» через пустую парковку, перебирая пункты контракта: жёсткие, но честные. Подписывать или нет — решу позже. Сначала нужно было завести мотор и включить печку.

Мотор чихнул, захрипел и умер. Тишина в салоне стала оглушительной, давящей на уши тяжелее, чем гул трассы за окном. Минус пятнадцать. Стекло изнутри покрылось инеем, превращая мир в мутное белое пятно. Я повернула ключ снова. И снова. Пальцы онемели так, что я не чувствовала холодный металл замка — только свою беспомощность. Аккумулятор сдох окончательно, фары погасли, оставив меня в темноте собственной машины. В этой коробке из ржавого металла я была мишенью для любого, кто увидит свет или услышит шум. Страх сменил усталость резким приступом тошноты.

В стекло ударили кулаком. Раз, два. Резко, без уважения к человеку внутри.

Я вздрогнула, дергаясь от неожиданности, и посмотрела на источник звука. Охранник торгового центра. Его лицо было искажено гримасой раздражения, дыхание вырывалось клубами пара. Он ткнул пальцем в мою машину, затем указал на знак «Парковка запрещена».

— Убирай железо, женщина! — его голос пробивался сквозь стекло глухо, но злобно. — Сейчас эвакуатор приедет, а ты останешься без колес и без денег. Показывай документы. Быстро.

Я потянулась к бардачку, где лежали мои права и папка с доказательствами против Игоря. Руки дрожали настолько, что ключ выпал из пальцев.

— Двигатель... — начала я, но голос сорвался в хриплый шепот. Телефон в кармане был мертв. Экран черный.

Охранник фыркнул, увидев мой вид: растрепанные волосы, синяки под глазами, дешевое пальто, промокшее от снега. Для него я была помехой, грязью на асфальте, которую нужно смыть водой. Он отвернулся, доставая рацию, чтобы вызвать буксировщик. Меня бросили здесь одну, замерзать, пока он решал свои рабочие вопросы.

Через минуту он вернулся. Не один. За его спиной выросла фигура в черном кашемировом пальто. Высокая, широкая плечами, она заслоняла собой единственный источник света — фонарь над входом в ТЦ. Охранник что-то быстро затараторил, тыча пальцем в мою машину. Фигура не ответила. Она просто шагнула ближе, и охранник осекся, попятился, будто получил пощечину своим же молчанием. Я узнала Артура и отодвинулась от окна. Он нашёл меня даже здесь. Откуда ему доложили — охранник позвонил?

Я отперла двери. Дверь со стороны пассажира открылась. Холодный воздух ворвался внутрь, смешиваясь с запахом дорогого табака, кожи и чего-то еще, неуловимо мужского и опасного. Артур сел рядом со мной, не спрашивая разрешения. Пространство салона мгновенно сузилось. Он молча осмотрел салон: трещины на панели, облезлый руль, мои дрожащие руки. Затем его взгляд упал на мое лицо. Тяжелый, оценивающий, как сканер на таможне.

Я инстинктивно отшатнулась к водительской двери, пытаясь закрыть собой бардачок. Сердце колотилось где-то в горле.

— Вылезьте, — прошипела я. Голос выходил тонким и жалким.

Артур не двинулся. Он достал из внутреннего кармана термос, открутил крышку. Пар поднялся вверх, нежный и обволакивающий. Он протянул его мне.

— Пей.

Его пальцы случайно коснулись моих. Они были холодными; термос он держал крепко, пока я пыталась перехватить его онемевшими пальцами. Я отдернула руку, как от огня.

— Ты либо пьешь кофе, либо отморозишь пальцы и не сможешь набрать номер, когда тебе станет совсем плохо, — сказал он тихо. В его голосе не было заботы. Только контроль. Констатация факта.

Я смотрела на термос, потом на его профиль. Гордость душила меня сильнее мороза. После того, как Игорь выбросил мои вещи на лестничную площадку, после полиции, которая

смеялась надо мной, любое предложение помощи казалось ловушкой. Я боялась взять термос: выпью — и уже труднее будет велеть ему выйти. А он сидел так, словно мы обо всём договорились.

— Мне не нужен ваш кофе, — сказала я жестче, чем чувствовала себя на самом деле. — Оставьте меня в покое.

Артур поставил термос на панель приборов. Щелчок крышки прозвучал громко в тишине. Он достал телефон — новый, тонкий, блестящий в полумраке. Набрал номер, не глядя на меня.

— Клиентка замерзает, — произнес он коротко, ровным тоном делового человека. — Нужен буксир и чистая комната. Не в отеле. У меня. Через десять минут.

Он положил трубку. Слово «комната» повисло в воздухе, тяжелое и многозначительное. Он не спорил со мной. Слово «буксир» заставило меня поднять голову: значит, машину не бросят здесь под эвакуатор. Это хотелось принять без спора. Но он уже заказал комнату у себя. Не спросил, куда меня отвезти, не оставил паузы для адреса. Я по-прежнему не брала термос, хотя от пара у меня сводило горло.

Из темноты выехал служебный внедорожник. Черный, массивный, бесшумный. Двери открылись почти сразу. Водитель вышел, молча перегружая мои вещи — сумку, ноутбук, папку с документами — в багажник. Я попыталась забрать свою сумку, цепляясь за ручку двери своей старой машины.

— Оставьте! — крикнула я.

Водитель даже не повернулся. Он блокировал мой доступ, указывая рукой на заднее сиденье внедорожника. Жест был четким, неотвратимым. Меня увозили как вещь. Как груз.

Артур вышел из моей машины первым. Он остановился у капота, затянувшись сигаретой, которую закурил прямо на морозе. Огонек искры осветил его скулы, острые и властные. Он бросил окурок в снег и подошел ко мне.

— Если ты останешься здесь, Игорь найдет тебя к утру, — сказал он, беря меня за локоть. Не грубо, но так крепко, что сопротивляться было бессмысленно. — Если пойдешь со мной — у тебя есть шанс выжить. Выбор за тобой, Вера.

Мое имя в его голосе прозвучало как приказ. Он уже называл меня так во дворе. Возражение застряло в горле, но тело уже двигалось к внедорожнику, подчиняясь силе, которой нельзя было противостоять.

Салон внедорожника был теплым, пах кожей и легким ароматом сандала. Кожа сидений скрипнула под моими тяжелыми сапогами. Артур сел рядом, водитель закрыл дверь, отсекая нас от внешнего мира. Машина тронулась плавно, без рывков. Городские огни за окнами превратились в размытые ленты света.

Я пыталась допросить его, но молчание Артура давило сильнее слов. Оно было плотным, физически ощутимым, как вата в ушах. Кто он? Почему знает меня? Что ему нужно от женщины, которая потеряла все?

— Что ещё вам нужно от меня? — спросила я, чувствуя, как истерика подступает к горлу. Почва уходила из-под ног. Я была частью какой-то игры, правил которой не знала.

Артур смотрел в окно. Его отражение в стекле было неподвижным, как маска.

— Зачем тебе база данных грузовиков? — вдруг спросил он. Голос был низким, без интонаций вопроса. Это было утверждение.

Я замерла. Воздуха не хватило. База данных. Секретная информация о контрабанде через порт, которую я копировала перед тем, как Игорь выставил меня за дверь. Он читал переписку? Следил за нами обоими? Или знал больше, чем говорил?

Ответа не последовало. Только вопрос, брошенный, как камень в воду. Рядом. Опасно близко.

Внедорожник сбавил ход. Мы подъезжали к высоким воротам, увитым колючей проволокой и освещенным прожекторами. Охрана проверяла документы Артура, даже не взглянув на меня. Ворота открылись медленно, пропуская машину на территорию огромного особняка, залитого желтым светом окон.

Я почувствовала себя грязной букашкой на пороге дворца. Хотелось убежать обратно в холод, в темноту, потому что там было понятно и честно. Здесь — непонятно и смертельно опасно.

Глава 6

Артур остановил меня жестом, когда я уже потянулась к ручке двери. Он повел меня не к главному входу, а вдоль стены к отдельному флигелю. Там горело теплое освещение, слышался тихий шум воды за стеной.

Мы вошли. Внутри было чисто, стерильно и тепло. Кровать с белоснежным бельем, письменный стол, лампа. Но на столе лежал контракт. Бумага выглядела как приговор.

— Это не благотворительность, Вера, — сказал Артур, снимая пальто. Под ним была простая черная водолазка, подчеркивающая мышцы плеч. — Это работа. Ты анализируешь риски для моей компании. Взамен — крыша, еда и защита от твоего бывшего мужа. Подпиши.

Я взяла ручку. Посмотрела в зеркало над столом. Синяки, растрепанные волосы, глаза полные животного страха. Но в глубине зрачков мелькнула искра. Злость. Он ждёт, что я подпишу из благодарности за сухую постель. А я хочу оплату, доступ и право задавать вопросы, когда суммы снова не сойдутся.

Артур не спасал меня из доброты. Он покупал мои навыки. И он был единственным, кто мог дать мне оружие против Игоря.

Я задержала ручку над строкой подписи. Завтра придётся работать на него; вернуться за свой стол у Игоря уже не получится. В договоре хотя бы были строки, к которым можно вернуться пальцем. Кто платит. За что. Когда прекращается защита. Игорь за пять лет не дал мне ни одной такой строки — только уверенность, что без него я ничего не стою. Я перевернула страницу. Артур ждал подписи; пусть сначала подождёт моего чтения.

Ручка коснулась бумаги. Я поставила дату, но до подписи ещё раз перевернула лист: приложение о безопасности нужно прочитать целиком.

В этот момент мой телефон, который я успела подключить к зарядке на столе, завибрировал. Экран вспыхнул. Сообщение от номера, который я собиралась заблокировать. От Игоря.

«Я знаю, где ты. И я знаю, что ты сделала».

Сообщение я прочитала дважды и убрала телефон в карман. Пусть Игорь знает, где я. Пусть считает, что я сломлена. Сломленные люди не читают приложения о безопасности целиком — а я читала.

Ручка зависла над бумагой, как скальпель над открытой раной. Я чувствовала запах чужого парфюма — холодный, с нотами кедра и чего-то металлического, похожего на вкус крови во рту после драки. Кабинет Артура был стерильно белым, даже воздух здесь казался вымытым до скрипа. А я пахла ночной машиной, страхом и дешевой едой из автомата.

— Пункт о конфиденциальности, — мой голос дрогнул, но я заставила себя посмотреть ему в глаза. Не вниз, не в сторону. В упор. — Он односторонний. Если я проболтаюсь, меня засудят. Но что гарантирует мне тишину с твоей стороны? Твои люди могут продать мои данные любому журналисту за цену пачки сигарет.

Артур не повысил голоса. Он просто положил передо мной черновик договора, который лежал рядом с моим «чистовиком». Его пальцы были длинными, бледными, без единого лишнего движения.

— Читай вторую страницу, абзац три, — сказал он сухо. — Там написано, что утечка информации от сотрудников моей компании карается штрафом в размере годового оборота терминала. Для тебя это значит одно: если ты хочешь жить спокойно, тебе выгоднее молчать. Это не угроза, Вера. Это бизнес-процесс. Ты продаешь мне лояльность. Я покупаю ее по высокой цене. Но только если товар качественный.

Меня мутило от его спокойствия. Он ни разу не спросил, сколько я спала. Зато уже решил, сколько будет стоить моё молчание. Я прижала ладонь к краю бумаги: хотелось смять её, но тогда пришлось бы просить новый экземпляр. Он говорил о лояльности так, будто её

можно проверить при приёмке товара. Меня особенно взбесило слово «качественный». Я не просилась в его кабинет. Но раз он назвал цену, пусть услышит и мои условия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.